

В ожидании почтенного Хуачэня, Пэй Таньцзы, который должен был открыть тайное царство, заклинатели разных сект оставались на своих местах. Обычный шум, смех и праздные разговоры смолкли сами собой: стоило людям оказаться в одном пространстве с первым красавцем Поднебесной, как на них напала необъяснимая робость.

И не мудрено. Когда перед тобой во плоти предстаёт «белый лунный свет» всего мира заклинателей — недостижимый идеал, о котором втайне грезит каждый, — разве возможно отвести взгляд? Все мысли невольно сходились на нём.

Вот только Лян Сюань держался так высокомерно и холодно, что открыто смотреть на него никто не решался. Заклинателям оставалось лишь украдкой, будто бы невзначай, косить глазами в его сторону.

Облик его ослеплял безупречностью, а на лице блуждала тень ленивого любопытства. Однако сквозь эту обманчивую мягкость проступала врождённая, исходящая из самой глубины души опасность — острая, словно лезвие клинка.

Как бы сильно им ни хотелось подойти поближе, заговорить или хотя бы привлечь его внимание, этот невидимый, но осязаемый барьер заставлял их испуганно держаться на расстоянии.

Впрочем, будь они хоть каплю смелее и решились взглянуть ему прямо в лицо, они бы быстро поняли: никакого любопытства там не было и в помине. Лян Сюань смотрел на них как на законченных кретин — с таким нескрываемым пренебрежением, что яд его издёвки едва ли не капал на землю.

Шэнь Гумин долго, не отрываясь, разглядывал профиль Лян Сюаня. Лишь когда тот скользнул по нему ответным ленивым взглядом, юноша поспешно отвернулся. Сделав предельно серьёзное, даже суровое лицо, он уставился куда-то вдаль, силясь казаться безучастным.

Со стороны его поза выглядела безупречно, но залившиеся густой краской уши выдавали парня с головой. Лян Сюань сразу почуял неладное.

Только он собрался спросить, что стряслось, как на его плечо опустилась тяжёлая ладонь. Лян Сюань метнул в наглеца ледяной взгляд, способный заморозить заживо, но встретился взглядом с янтарными, прозрачными, точно стекло, глазами.

Ему с обезоруживающей улыбкой кивнул Гу Юньцзюэ. Он смотрел из-под ровных бровей шальными, подёрнутыми дымкой лукавства глазами феникса. Точёный нос, тонкие черты лица и алое одеяние, полыхающее подобно дикому костру — этот юноша сиял так ярко, что затмевал собой предзакатное солнце.

— Надо же, какой статный господин! — весело протянул Гу Юньцзюэ. — И лицом хорош, и языком жалишь без промаха. Раньше-то ты только надо мной потешался, до белого каления

доводил, а теперь, смотрю, вообще никого в грош не ставишь?

Лян Сюань даже бровью не повёл:

— Руки убрал.

— Это ещё почему? — изумился Гу Юньцзюэ.

Лян Сюань едва заметно кивнул в сторону Юань Цяньчао:

— Спроси у него. Интересно, сколько секунд ему понадобится, чтобы подлететь сюда и свернуть тебе шею?

Гу Юньцзюэ вскинул глаза и тут же столкнулся с яростным, полным затаённой угрозы взглядом главы Юаня. Скорбно вздохнув, он пробормотал:

— Ну я же ничего такого не имел в виду. Просто А-Цзинь по тебе соскучилась. Девчонка ведь, стесняется — сама подойти робеет, вот и попросила меня перекинуться с тобой парой слов.

Лян Сюань перевёл взгляд на стоящую неподалёку под раскидистым деревом Гу Фаньинь. Спустя пару секунд он отвернулся с выражением лица, кричащим: «Да хорош брехать».

— Да ну? Серьёзно? — лениво протянул он. — Какой заботливый братец. Медаль себе повесь.

Гу Юньцзюэ поперхнулся. Отчего-то этот комплимент радости ему не принёс.

Поняв, что его ложь раскусили за долю секунды, Гу Юньцзюэ разочарованно опустил руку. Тут его взгляд зацепился за Шэнь Гумина, застывшего по правую руку от Лян Сюаня. Парень удивлённо приподнял брови:

— погоди, этот малец и впрямь твой ученик? Ты действительно взял кого-то на воспитание?

— Какой он тебе малец? Язык прикуси и зови его маленьким бессмертным господином.

Гу Юньцзюэ только и оставалось, что смиренно поднять руки:

— Ладно, ладно, пусть будет маленький бессмертный господин. Так этот юный бессмертный действительно твой ученик?

— Не твоего ума дело.

— Да чтоб тебя! — беззлобно выругался Гу Юньцзюэ.

В романе «Путь бессмертия» Гу Юньцзюэ отводилась роль старшего брата главной героини, Гу Фаньинь, и персонажем он был довольно весомым. Правда, основная его задача сводилась к тому, чтобы вставлять палки в колёса и всячески мешать развитию любовной линии главных героев. Причиной тому была банальная до абсурда сестринская гиперопека.

Он костыми готов был лечь, лишь бы этот паршивый боров Шэнь Гумин не смел сожрать его нежную капустку, которую он бережно взращивал целую сотню лет.

Впрочем, злодеем Юньцзюэ не был. Так, несносный задира, любящий устраивать сцены на ровном месте, из-за чего каждая его стычка с главным героем превращалась в чистый фарс.

Вот только сам Шэнь Гумин юмора не ценил. Мстительный от природы, на ранних порах он уступал старшему в силе и был вынужден покорно сносить его нападки, но стоило ему превзойти соперника в культивации, как он отплатил сполна. Шэнь Гумин изводил бедолагу изощрёнными издёвками, раз за разом доводя до белого каления, а сам при этом сохранял абсолютное, издевательское хладнокровие.

Прошло несколько часов. Лишь когда солнце коснулось вершушек гор и небо окрасилось в багровые тона заката, почтенный Хуачэнь наконец соизволил явиться.

На самом краю небосвода прочертилась ослепительно-белая полоса. По воздуху, плавно ступая прямо по облакам, приближался седовласый даос в белоснежных одеждах. Весь его облик дышал истинным величием бессмертного.

Опустившись перед собравшимися, Пэй Таньцзы небрежно взмахнул мухогонкой. Тонкая татуировка в виде меча меж его бровей придавала его точёному, словно высеченному из льда лицу зловещую, смертоносную остроту. Он напоминал обнажённый клинок, упрятанный в глухие ножны: от самой его фигуры исходила столь свирепая стужа, что к нему не то что подходить — смотреть в его сторону лишний раз никто не смел.

Это был сам почтенный Хуачэнь, достигший стадии Великого Совершенства. Наставник Вэйцзюня, живая легенда и вершина всего мира заклинателей, перед чьим величием склонялись миллионы.

Лян Сюань, как и все вокруг, уставился на прибывшего праучителя, но уже через пару мгновений заскучал, отвёл взгляд и подпёр щеку рукой, погрузившись в свои мысли.

Цюй Цинъюэ выступил вперёд и с поклоном поприветствовал Пэй Таньцзы. Прикрыв рот ладонью, он тихо зашептал что-то на ухо мастеру. В следующую же секунду ледяной взор Пэй Таньцзы обратился прямо на Лян Сюаня.

Этот взгляд, способный поспорить холодом с вечными льдами Ханьчуаня, теплел лишь тогда, когда упирался в Лян Сюаня — в самой глубине его тёмных глаз вспыхивала едва заметная, робкая искра.

Лян Сюань прекрасно знал, что означает этот взгляд, а потому, ничуть не смутившись, небрежно поманил к себе Шэнь Гумина.

— Драгоценный старший? — Шэнь Гумин послушно шагнул ближе.

Но не успел он договорить, как Лян Сюань бесцеремонно схватил его за запястье и потянул на себя. Юноша охнул, потеряв равновесие, и снова плюхнулся прямо к нему на колени.

— Стар — — растерянно пискнул Шэнь Гумин, округлив глаза.

Лян Сюань принялся неторопливо поправлять ему воротник. Пальцы двигались мягко, не спеша, а затем скользнули выше, лаская аккуратную мочку уха. Тёплое прикосновение заставило бедного юношу вздрогнуть всем телом, словно его только что окатили ледяной водой.

Наблюдавший за этой сценой Гу Юньцзюэ вытаращился на них в полнейшем ужасе. Его челюсть отвисла, и он уже открыл было рот, чтобы издать громогласное ругательство, но Лян Сюань пресёк бунт на корню:

— Цыц.

«Какое к чёрту „цыц“?! Да я же лопну! Моя А-Цзинь от тебя и доброго слова не дождалась, а этот мелкий паршивец за какие такие заслуги заслужил подобную ласку?!»

Лян Сюань между тем продолжал ласкать ухо ученика, искоса поглядывая в сторону Пэй Таньцзы. Тот уже отвернулся, но его лицо потемнело ещё сильнее, напоминая теперь подёрнутую льдом бездну. Стоящий рядом Цюй Цинъюэ лишь обречённо покачал головой и издали укоризненно уставился на Лян Сюаня.

Его взгляд прямо-таки кричал о крайнем неодобрении.

Лян Сюань в ответ лишь невинно развёл руками, безмолвно заявляя: «Я тут ни при чём, я вообще паинька, за что ты на меня так смотришь?»

— С-старший... что вы делаете? — выдавил из себя Шэнь Гумин, отводя глаза от его лица, на котором застыла едва уловимая торжествующая усмешка. Сам юноша оцепенел, вытянувшись в струнку.

Лян Сюань отнял пальцы от его уха, вернул лицу бесстрастное выражение и, отвесив парню лёгкий шлепок пониже спины, усмехнулся:

— Свободен. Брысь отсюда.

Выжал все соки и выкинул! От неожиданного шлепка Шэнь Гумин подскочил чуть ли не до небес. Он отлетел на пару шагов, прижимая ладонь к пострадавшему месту, и замер соляным столпом.

«Да что с ним не так?!»

«Я... меня... меня только что осквернили?!»

Тем временем Пэй Таньцзы плавно взмахнул своим посохом-мухогонкой. Ткань пространства перед ним с тихим треском разошлась, обнажая рваную рану пустоты.

На глазах у изумлённой толпы трещина ширилась и росла, пока наконец не превратилась в огромный сияющий зев перехода, сотканный из чистейшей белой духовной энергии.

Ещё до прибытия великого мастера ученики всех сект разбились на тройки. Теперь они чинно, один за другим, скрывались в глубинах тайного царства. Когда поляна почти опустела, Лян Сюань наконец поднялся на ноги.

Стоящий неподалёку Гу Юньцзюэ с сомнением посмотрел на него:

— Эй, а ты-то группу собрал? Туда ведь пускают только по трое. Вас с маленьким бессмертным господином всего двое, где третьего потеряли?

Лян Сюань, лениво потягиваясь, бросил через плечо:

— Если глаза тебе не нужны, пожертвуй их тем, кому они нужнее.

— Чего? — не понял тот.

Вместо ответа с макушки Шэнь Гумина, который всё ещё стоял с отсутствующим видом, проклиная судьбу, раздался звонкий писк:

— Матушка-а-а!

Третьим членом их команды был этот несносный птах.

Гу Юньцзюэ онемел.

Ну просто гениально. Мать его, потрясающее решение.

Закатив глаза так, что едва не вывихнул глазные яблоки, он не стал больше искушать судьбу спорами и поспешил обратно к своей ненаглядной Гу Фаньинь.

Проход в тайное царство сужался, пропуская лишь по одному заклинателю за раз. Лян Сюань двинулся к нему последним. Перед самым порогом Пэй Таньцзы негромко окликнул его по имени. Лян Сюань даже не замедлил шаг, сделав вид, будто ничего не слышал, а наставник не стал удерживать его силой.

Они разминулись, едва не коснувшись друг друга плечами.

Сияние портала мягко ласкало лицо праучителя. Не успел Пэй Таньцзы вдохнуть едва уловимый, до боли знакомый аромат орхидеи, как его упрямый ученик без тени сомнения шагнул в ослепительный вихрь и исчез из виду.

<http://bllate.org/book/18178/1749878>